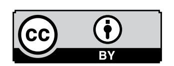
Научная статья /
Research Article

https://elibrary.ru/AFQFZJ
УДК 821.161.1
ББК 83.3(2Рос=Рус)6

А.П. ПЛАТОНОВ И В.П. СТАВСКИЙ (НОВЫЕ МАТЕРИАЛЫ К БИОГРАФИИ ПИСАТЕЛЯ)

© 2024 г. М.В. Осипенко
Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук, Москва, Россия
Дата поступления статьи: 05 апреля 2023 г.
Дата одобрения рецензентами: 30 апреля 2023 г.
Дата публикации: 25 марта 2024 г.
https://doi.org/10.22455/2500-4247-2024-9-1-304-341

Аннотация: В статье впервые в центр исследования ставится вопрос о роли секретаря Союза писателей СССР В.П. Ставского в биографии А.П. Платонова второй половины 1930-х гг. Рассмотрение известных ранее фактов, связанных с похвалой В. Ставским платоновского рассказа «Бессмертие» (1936), в более широком контексте, с привлечением нового материала, позволило пересмотреть сложившееся в платоноведении представление об эпизодической роли Ставского в судьбе писателя. Поддержка секретаря Союза писателей, за которой, возможно, стоял лично Сталин, обеспечила Платонову в 1936–1937 гг. официальное место в ряду лучших советских писателей, его работа была объявлена ориентиром для участников коллективных сборников страны, его имя звучало с трибуны Союза писателей в числе представителей нового поколения литературных кадров страны; при поддержке Союза писателей Платонова приглашают к участию в новых проектах. При непосредственном участии Ставского сложилось плодотворное сотрудничество Платонова с редакцией «Литературного критика». При этом именно поддержка Ставского спровоцировала крупнейшую, после истории с «Впрок», волну критического внимания к Платонову, которая впоследствии вылилась в очередное гонение писателя. Большая часть приведенных в статье архивных материалов публикуется впервые. В научный оборот вводятся новые факты биографий А. Платонова и В. Ставского.
Ключевые слова: Андрей Платонов, Владимир Ставский, Союз писателей СССР, советская литература, «Бессмертие».
Информация об авторе: Мария Валерьевна Осипенко — кандидат филологических наук, старший научный сотрудник, Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук, ул. Поварская, д. 25А, стр. 1, 121069 г. Москва, Россия. ORCID ID: https://orcid.org/0000-0002-0294-8546
E-mail: msn08383@gmail.com.
Для цитирования: *Осипенко М.В.* А.П. Платонов и В.П. Ставский (новые материалы к биографии писателя) // Studia Litterarum. 2024. Т. 9, № 1. С. 304–341. https://doi.org/10.22455/2500-4247-2024-9-1-304-341

Studia Litterarum,
vol. 9, no. 1, 2024

A.P. PLATONOV AND V.P. STAVSKY (NEW MATERIALS TO THE WRITER'S BIOGRAPHY)

© 2024. Maria V. Osipenko
A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
Received: April 05, 2023
Approved after reviewing: April 30, 2023
Date of publication: March 25, 2024

Abstract: For the first time, the article examines the role of V.P. Stavsky, the Secretary of the Union of Soviet Writers, in the biography of A.P. Platonov during the 1930s. The study of previously known facts about Stavsky's favorable response to Platonov's short story "Immortality" ("Bessmertie," 1936) in a broader context, together with the new materials, allows reconsidering the established notion of an episodic role of Stavsky in the writer's fate. The support of the Secretary of the Writers' Union (behind which possibly stood Stalin himself) provided Platonov with an official place among the best Soviet writers in 1936–1937. His work was declared a benchmark for the authors of the literary works collections of the state. His name sounded among the representatives of the new generation of literary leaders of the country. He was entrusted with new projects with the support of the Writers' Union. At the same time, it was Stavsky's support that triggered the largest wave of critical attention toward Platonov since the publication of "For Future Use" ("Vprok"), which led to the following persecution of the writer. Most of the archival materials in this article are published for the first time. The article introduces new biographical facts about A. Platonov and V. Stavsky.

Keywords: Andrey Platonov, Vladimir Stavsky, the Soviet Writers' Union (SWU), soviet literature, "Bessmertie."

Information about the author: Maria V. Osipenko, PhD in Philology, Senior Researcher, A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Povarskaya St., 25A, bld. 1, 121069 Moscow, Russia.
ORCID ID: https://orcid.org/0000-0002-0294-8546
E-mail: msn08383@gmail.com

For citation: Osipenko, M.V. "A.P. Platonov and V.P. Stavsky (New Materials to the Writer's Biography)." *Studia Litterarum*, vol. 9, no. 1, 2024, pp. 304–341. (In Russ.)
https://doi.org/10.22455/2500-4247-2024-9-1-304-341

«Если за Советскую власть — хвали его!»
Л. Мехлис — В. Ермилову, декабрь 1935 г.,
из записных книжек В.П. Ставского

В марте 1936 г. на общемосковском собрании писателей, посвященном вопросам формализма и натурализма в литературе, секретарь Союза писателей СССР В.П. Ставский публично, развернуто похвалил рассказ Андрея Платонова «Бессмертие» (1936). Об этом уникальном в своем роде эпизоде, введенном в научный оборот Н. Корниенко уже тридцать лет назад [1, с. 328–329], нередко упоминается в исследованиях платоноведов. При этом наряду с констатацией некоего «потепления» в отношении власти к писателю некоторыми исследователями предлагались версии, раскрывающие причины этих изменений. Согласно им, похвала рассказа «Бессмертие» вызвана стремлением самого Платонова соответствовать идеологическим канонам и политическим задачам власти [12, с. 68; 8, с. 278, 280; и др.]. Однако сделанное В. Ставским заявление не было до сих пор рассмотрено в контексте его прочих высказываний и поступков и лишь частично ассоциировалось с событиями в биографии Платонова. В силу этого не было дано адекватной оценки упомянутого эпизода и в целом места и роли Ставского в жизни писателя.

В данной статье мы попытаемся рассмотреть в более широком контексте, с привлечением новых архивных данных события в творческой биографии Платонова второй половины 1930-х гг., связанные с именем секретаря Союза писателей СССР (далее — СП) В. Ставским. Материалом для исследования послужили все выявленные нами устные и письменные

высказывания Ставского о Платонове; высказывания третьих лиц о Платонове, сделанные в присутствии Ставского; подписанные, составленные или просмотренные Ставским документы СП с упоминанием Платонова; любые исторические документы, свидетельствующие о внимании Ставского к Платонову или о контактах между ними. В центре статьи — 1936 год, однако приведенный материал охватывает более широкий период — с 1935 г. по 1937 г., которым датируются упоминания имени Платонова рядом с именем секретаря СП. К рассмотрению привлечены архивные материалы фондов РГАЛИ, РГАНИ, РГАСПИ, а также периодические издания второй половины 1930-х гг. Большая часть материалов, приведенных в основной части статьи, публикуется впервые.

В биографии Ставского — несмотря на большое количество биографической и мемуаристкой литературы о нем — немало искажений и пробелов. Отчасти они преодолеваются благодаря сохраняющемуся интересу к его личности, который сегодня развивается по двум основным направлениям. Первое продолжает советскую, условно — героико-патриотическую, традицию и акцентирует внимание на боевых и журналистских заслугах Ставского, его наградах и ранениях, его «высочайшем советском патриотизме», «выдающихся человеческих качествах» [4; 5; 17, с. 321; 38; и др.]. Это направление, как правило, полностью обходит вниманием детали биографии Ставского, связанные с руководящей деятельностью в СП.

Другое направление, более активное, развивается за счет публикуемых в последние десятилетия исторических документов и воспоминаний и идет бок о бок с описанием номенклатурной истории СССР и репрессивных механизмов советской власти. Эти публикации говорят о пересмотре советской традиции, обращают исследовательское внимание на новые стороны биографии Ставского, образ которого, тесно ассоциирующийся с бюрократическим аппаратом и деятельностью ОГПУ–НКВД, обрастает ореолом негативных оценок — от резко отрицательных характеристик личности до пренебрежительных и сниженных коннотаций в биографических справках [15, с. 122–123; 6, с. 270; 7, с. 144–145, 151; 13; 14; 19, с. 256, 272, 276–277 и др.; и др.].

В результате поляризации оценок и фрагментарности (в упомянутых работах рассматриваются лишь отдельные аспекты) исследований — на се-

годняшний день фактически отсутствует полная, объективная, всесторонняя картина жизни и общественной деятельности Ставского. Ощутимо не хватает многих документированных деталей биографии, подробного описания деятельности Ставского в Комиссии партийного контроля при ЦК ВКП(б) (далее — КПК), описания его ростовского и московского окружений, понимания места и роли Сталина, Л. Мехлиса, Р. Землячки, П. Юдина и других исторических лиц в его биографии. Не отрефлексированы до сих пор документы 1938 г., освещающие подготовку и общественное разбирательство дела Ставского, по организованности и стилю сопоставимого с политическими процессами тех лет (с той разницей, что обвинителями и свидетелями на заседаниях под руководством секретарей ЦК выступали писатели и критики)[1]. Не введены в научный обиход записные книжки Ставского, которые являются ценнейшим документом его биографии и истории советской литературы[2]. На разрозненных листах, в блокнотах, тетрадях, содержащих обширный и крайне неоднородный материал (наброски к официальным выступлениям, к рассказам и очеркам, списки вопросов к различным встречам и заседаниям, записи бесед с писателями, с партийными и государственными служащими, тезисы совещаний в КПК, ЦК ВКП(б), СП и др.), отражена повседневная деятельность Ставского, в том числе в Союзе писателей СССР. Записные книжки сохранились не полностью, но вкупе с перепиской Ставского с разными инстанциями, документами секретариата СП и ЦК ВКП(б) могли бы дать в целом исчерпывающее представление о его функциях и особенностях работы в писательской организации.

Ниже приведена краткая биография Ставского[3]. Более пристальное внимание уделено лишь некоторым аспектам, необходимым для адекватной оценки его роли в судьбе А. Платонова.

Владимир Петрович Ставский (1900–1943) — родился в семье рабочего в г. Пензе, окончил 5 классов Пензенского реального училища[4].

1 Материалы частично опубликованы в сборниках: [15, с. 268–277; 9, т. 1, с. 732–738, 743–744, 773–776, 780–789, 816].

2 Авторы сборника, где были опубликованы некоторые записи из записных книжек В. Ставского, справедливо указали на трудности публикации и комментирования документов: [9, т. 1, с. 25].

3 Для справки использованы справочные издания и архивные материалы из фонда Ставского (РГАЛИ. Ф. 1712).

4 Так в автобиографии: РГАЛИ. Ф. 1712. Оп. 1. Ед. хр. 21. Л. 1. По другим данным — 4 класса.

В 1917 — чернорабочий. В начале 1918 г. вступил в ряды Красной гвардии. В том же году руководителем отряда участвовал в подавлении казачьих, крестьянских восстаний в уездах; в мае 1918 г. — восстания чехословаков в Пензе. В 1918–1919 гг. — служил начальником агентурной разведки, уполномоченным Особого отдела ЧК (Восточный фронт). В 1920 г. переведен по личной просьбе на Кавказский фронт, в разведывательный отдел Полевого штаба Реввоенсовета Республики. За работу в тылу белогвардейцев в Крыму был награжден золотыми часами (1920). В 1921–1922 гг. служил в ВЧК–ГПУ на Северном Кавказе и Юго-Востоке — помощником начальника иностранного отдела и начальником отдела по борьбе с бандитизмом. После увольнения в 1922 г. жил в Ростове-на-Дону. В том же году в качестве рабочего корреспондента начинает сотрудничество с газетой «Трудовой Дон» (с 1924 г. — «Молот»). С 1923 г. выдвигается на редакционную работу, в январе 1924 г. направлен в Москву на курсы по переподготовке работников печати. По возвращении сотрудничает с газетами «Молот», «Советский пахарь», работает редактором газеты «Красный шахтер» (приложение к «Молоту»), заведующим отделом краевой жизни (газета «Молот»). С лета 1924 г. — член Российской ассоциации пролетарских писателей (РАПП). С конца 1925 г. работает инструктором Северокавказского краевого комитета ВКП(б). В этот период Ставский сближается с А. Фадеевым, Р. Землячкой. В 1925 г. входит в состав редколлегии журнала «Лава» (вместе с А. Бусыгиным, Г. Кацем, В. Киршоном, А. Фадеевым). В 1926–1928 гг. работает заведующим отделом печати Северокавказского крайкома ВКП(б). В эти же годы — секретарь, член Правления Северокавказской ассоциации пролетарских писателей (СКАПП). В мае 1928 г. избирается в Правление и Секретариат РАПП. В качестве уполномоченного крайкома по хлебозаготовкам и одновременно спецкора «Известий» участвует в проведении хлебозаготовительной кампании на Кубани. По итогам этой работы пишет повесть «Станица» (1928). В конце 1928 г. переезжает в Москву, но продолжает, вплоть до 1934 г., выезжать на Северный Кавказ, участвует в проведении посевных и хлебозаготовительных кампаний. Сотрудничает с редакциями «Известий», «Правды», журналами «На подъеме», «Октябрь», «Рост», «Знамя» и др. Публикует рассказы, очерки, повести «Разбег» (1930), «На гребне» (1931–1933). В Москве сближается с Л. Мехлисом и П. Юдиным (дружеские отношения с Л. Мехлисом Ставский сохранит на всю жизнь, с Юди-

ным — до 1937 г.). В руководстве РАППа Ставский получает поддержку со стороны центрального органа «Правда» и лично Сталина[5]. В апреле 1932 г., после ликвидации РАПП, Ставский входит в состав Оргкомитета Союза писателей. 10 февраля 1934 г. на XVII съезде ВКП(б) избирается членом КПК; назначается заместителем руководителя группы печати КПК, с октября 1937 г. по март 1939 г. — член группы по политико-просветительной и агитационной работе. В августе 1934 г., на Первом съезде писателей СССР, Ставский включен в состав Секретариата СП, одним из пяти секретарей. Активное участие в руководстве Союзом принимает с начала 1936 г. и до августа 1938 г. В январе 1939 г. был утвержден новый состав Президиума СП, уже без Ставского. С ноября 1937 г. по март 1939 г. член редколлегии «Литературной газеты». В декабре 1937 г. избран депутатом Совета Национальностей Верховного Совета СССР. С 1937 по 1941 г. — редактор журнала «Новый мир». В 1939 г. освещал в печати боевые действия в районе реки Халхин-Гол и советско-финляндский конфликт. С июня 1941 г. — специальный военный корреспондент газеты «Правда» на Западном фронте, бригадный комиссар. В 1942 г. вышел сборник его очерков «Фронтовые записи». Погиб на фронте у д. Турки-Перевоз в районе г. Невеля 14 ноября 1943 г. Похоронен в Великих Луках.

На сегодняшний день одно из самых неосвещенных мест в биографии Ставского — его работа в КПК. Вместе с тем избрание в 1934 г. Ставского членом высшего органа в структуре партийно-государственного контроля напрямую связано с его включением в руководство писательской организации. В КПК, в составе группы печати, Ставский отвечал за идеологическую составляющую всей печатной продукции (включая пе-

5 Так, например, но предложению В. Ставского и Ю. Лебединского (Бюро комфракции РАПП) в 1929 г. было утверждено после одобрения Сталиным решение о создании массового журнала РАППа («Рост»), в редколлегию которого вошли Киршон (отв. редактор), Сурков, Жаров, Ставский, Ионов и др. (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 113. Ед. хр. 695. Л. 167–171). См. также письмо Ставского Сталину с критикой работы РАПП и просьбой о помощи: [9, т. 1, с. 126–127]. 17 апреля 1932 г. это письмо Сталин направил через секретариат ЦК всем членам и кандидатам Политбюро ЦК ВКП(б), Стецкому и Авербаху, придав обращению Ставского статус официального документа (РГАНИ. Ф. 3. Оп. 34. Ед. хр. 186. Л. 223–225). Ответ от Авербаха с разгромной критикой Ставского последовал на имя Сталина тогда сразу же (21 апреля 1932 г. РГАНИ. Ф. 3. Оп. 34. Ед. хр. 186. Л. 226–231), но был оставлен вождем без внимания (ответом Авербаху было вышедшее спустя два дня Постановление от 23 апреля 1932 г.).

риодику). В 1936 г. в Союзе писателей для этих целей, в частности, был создан институт референтов, осуществляющих постоянный контроль за журналами (содержание сигнальных номеров, планы, договоры и т. д.), прямо подчиняющихся Секретариату. Ставский стоял у истоков создания этого института[6]. Кроме того, деятельность Ставского в целом характеризуется неразграничением функций контроля и способов его осуществления (как они были предписаны официальными документами КПК[7]) и работой в писательской организации (наглядные примеры приведены ниже). Помимо таких вопросов, как исполнение решений ЦК ВКП(б) и СНК СССР, соблюдение партийной этики и дисциплины (компетенции КПК), он уделял внимание и другим аспектам, которые негласно входили в задачи КПК[8].

В записных книжках Ставского фиксируется огромный круг вопросов — материально-бытовые (квартиры, гонорары, зарплаты и т. д.), издательские (тиражи, задержки, планы и т. д.), организационные (работа секций СП, организация мероприятий с участием писателей и т. д.), кадровые, включение и исключение из Союза, командировки и т. д. Среди них большую долю занимают вопросы отслеживания опасных для режима настроений и признаков поведения в среде писателей: Ставского интересуют связи с «троцкистами», обстановка в Переделкине, кулуарные разговоры, различные группировки, объединения вокруг альманахов, пассивные настроения и т. д. Информация, собираемая Ставским в ходе личных встреч с писателями, использовалась им для сообщений и решения вопросов в самых разных инстанциях, как гласными, так и негласными путями. Рядом с записями бесед Ставский нередко оставляет пометы: «на партгруппу», «на Президиум», «на секретариат», «сообщить Ангарову», «с Талем», «в КПК», «в НКВД», «Ежову», «Главлит», «О Селивановском с Шкирятовым»[9],

6 РГАСПИ. Ф. 88. Оп. 1. Ед. хр. 458. Л. 12, 15.

7 См., например, решения Третьего Пленума КПК, который, в частности, предписывал: «Во всей своей работе по контролю за исполнением решений ЦК ВКП(б) и СНК СССР группы КПК и уполномоченные должны добиться такого положения, чтобы воспитать в работниках чувство государственной ответственности, дисциплины и аккуратности в выполнении порученного задания, прибегая не только к карательным методам, но и к мерам поощрения» [34, с. 43–44].

8 О специфике работы КПК — см.: [10].

9 РГАЛИ. Ф. 1712. Оп. 1. Ед. хр. 109. Л. 204 об.

«О Киреевe с Суббоцким»[10], «сообщить в райком»[11] и т. д. Записи некоторых разговоров с писателями иногда сразу оформлялись как информационные сообщения — см.: «31/X Оськин[12] = Сообщает о том, что Финк[13] 26/VIII сообщил, что нашел револьвер “Кольт”. Милиции заявлено. Подозрительно! = Сообщил / — К Добранову[14] приезжала Раввена Марковна Загорская — с иностр<анным> паспортом — ее там не <нрзб>»[15] и др. О признаках поведения, которое могло восприниматься как подозрительное или враждебное, Ставский мог сигнализировать и лично Сталину. Например, зафиксировав слова Пастернака 13 марта 1936 г. на общемосковском собрании по вопросам формализма и натурализма, он созвал 15 марта партгруппу, где поставил вопрос о развернутой критике выступления поэта[16], а 17 марта через Л. Мехлиса информация о выступлении Пастернака была доложена Сталину с просьбой разрешить подвергнуть выступление поэта критике в «Правде»[17]. Количество подобных сигналов, инициированных Ставским, возрастает по мере надвигающихся в 1937 г. «угроз» режиму, в условиях массовых арестов, «повышенной бдительности» и поисков «врагов народа» в среде писателей. Малоизвестно, например, выступление Б. Эйхенбаума на «Пушкинском» пленуме (22–26 февраля 1937 г.), призвавшего руководство СП к реальной защите писателей и намекнувшего на карательные функции организации. Ставский пресек эту мысль сразу: «Тов. Эйхенбаум здесь выступил с утверждением, что “если исключительно заниматься бдительностью, то это для Союза советских писателей, пожалуй, не дело, так как он может превратиться в Союз против советских писателей”. Неправильно это утверждение. Мы собираемся для того, что поговорить смело, открыто. Разговоры в кулуарах — это очень вредное явление. Давайте собираться и говорить прямо, без боязни, что тебя неправильно поймут, что тебя в результате такого выступления уничтожат»[18]. Спустя два месяца, 25 апреля 1937 г., по-

10 Там же. Л. 192 об.

11 Там же. Л. 208.

12 Оськин Дмитрий Васильевич (1930–1998) — писатель, поэт, публицист.

13 Финк (Гершевич) Виктор Григорьевич (1888–1973) — писатель, переводчик.

14 Добранов (Кривоногов) Юрий Николаевич (1898–1937) — литературовед, профессор Московского вечернего литературного института.

15 РГАЛИ. Ф. 1712. Оп. 1. Ед. хр. 109. Л. 120.

16 РГАЛИ. Ф. 1712. Оп. 1. Ед. хр. 133. Л. 51–52.

17 РГАСПИ. Ф. 3. Оп. 34. Ед. хр. 187. Л. 165–171.

18 РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 15. Ед. хр. 187. Л. 136.

сле повторного публичного выступления Эйхенбаума в защиту писателей, Ставский доложил Сталину о «контрреволюционных высказываниях» литературоведа[19]. Эти материалы дополняют ранее опубликованные сведения о В. Ставском[20] и во многом объясняют лояльность к нему власти[21].

По записным книжкам восстанавливается весьма широкий круг контактов секретаря СП, среди которых немало высокопоставленных должностных лиц. Чаще всего Ставский контактирует с заместителем заведующего культурно-просветительским отделом ЦК ВКП(б) А. Ангаровым, с которым обсуждает (получая директивы) почти все текущие вопросы Союза писателей; отдельные проблемы обсуждает с секретарем ЦК ВКП(б) А. Андреевым (также получая прямые директивы), реже с Б. Талем, П. Юдиным, Н. Ежовым, М. Шкирятовым, С. Ингуловым, Р. Землячкой и др. Многочисленные пометы (отчеркивания, перечеркивания, галочки, стрелки, слова «Есть»[22] и др.) свидетельствуют о том, что Ставский возвращался и работал с записями.

Публичная речевая деятельность Ставского, адресованная писателям и критикам, изобиловала указаниями на текущие ориентиры в работе — партийные лозунги, директивы ЦК, резолюции пленумов и т. д.; перешедшими с 1920-х гг. призывами к «беспощадной критике и самокритике», созданию «высокохудожественных произведений, достойных нашей эпохи и ее великих людей» [9, т. 1, с. 462] и — раздачей оценок. Метод критики и

19 РГАНИ. Ф. 3. Оп. 34. Ед. хр. 2. Л. 4.

20 См. сообщения Ставского о Ф. Панферове заместителю председателя КПК М.Ф. Шкирятову [15, с. 243], о Д. Бедном Н. Ежову [2, с. 431–439], об О. Мандельштаме Н. Ежову [16] и др.

21 Показательны, например, последствия первой публичной единогласной атаки писателей на Ставского на общемосковском собрании писателей 2–5 апреля 1937 г. (РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 15. Ед. хр. 207–214). Репрессивные меры коснулись не Ставского, а писателей — участников совещания (см. спецсообщение об апрельском собрании комиссара государственной безопасности В.М. Курского, на котором Сталин написал начальнику ГУГБ НКВД СССР Я. Агранову: «Это кризис Союза и бунт старых писателей против молодых. Обсудить нужно» (РГАНИ. Ф. 3. Оп. 34. Ед. хр. 188. Л. 5)). Без серьезных последствий для Ставского остались многократные сигналы наверх в 1937–1938 гг. о необходимости замены секретаря СП: докладная записка Вс. Иванова в январе 1938 г. [9, т. 1, с. 816]; докладные, направленные секретарям ЦК ВКП(б) в мае 1937 г. зам. зав. культурно-просветительским отделом ЦК ВКП(б) А. Ангаровым и в феврале 1938 г. зав. отделом печати и издательств ЦК ВКП(б) А. Никитиным, — о неработоспособности Союза писателей вследствие руководства Ставского (РГАНИ. Ф. 3. Оп. 34. Ед. хр. 188. Л. 30, 157–164, 171–175); в мае 1938 г. — записка секретаря ЦК ВКП(б) А. Андреева Сталину (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 120. Ед. хр. 304. Л. 49) и др.

22 Этим знаком помечены фамилии людей, уличенных или обвиняемых в связях с троцкистско-зиновьевско-каменевской оппозицией.

поощрения практиковался до Ставского секретарем СП СССР А.С. Щербаковым, который, например, в марте 1935 г., резко критикуя А. Платонова, нацеливал его и подобных ему писателей: «делайте еще усилие, перестраивайтесь, подравнивайтесь под общий фронт советской литературы, мы вам в этом всячески поможем» [33]. Ставский применял этот метод более агрессивно, жестко и прямолинейно. Показательно его изложение в письме секретарю Ойротского обкома ВКП(б) Т. Ечинову по поводу писателя П. Кучияка (апрель 1936 г.): «Если за ним нет ничего другого, кроме этих ошибок, было бы, видимо, неплохо, чтобы ойротские организации, подвергнувшие большевистской критике его ошибки, вызвали к себе тов. Кучияка, заставили его выступить в печати об этих ошибках (конечно, только действительно им совершенных — тут перебарщивать не следует), ободрили его, сказав, что своей работой и борьбой против буржуазного национализма он может загладить свои ошибки, но он должен смело, без ненужной оглядки и боязни работать над созданием прекрасного произведения к 20-летию сов. власти. <…> Было бы очень хорошо, если бы Вы лично вызвали тов. Кучияка, еще раз пропесочили его за ошибки и поговорили о его дальнейших работах — это, пожалуй, очень и очень содействовало бы выветриванию тех националистических настроений, которые у него видимо, были. Это сохранило бы в советской литературе хорошего писателя, порвало бы те нити, которыми опутывали его враги, поставило бы его на службу революции. Примеров подобного перевоспитания писателей мы имеем очень много по всем национальным республикам» [9, т. 1, с. 524].

Надо сказать, что метод похвалы-критики как воспитательного инструмента в руководстве Ставского уступал по силе воздействия место такому подходу, в котором органически сплетались «забота» о каждом члене СП (менторское покровительство, рекомендации, решение бытовых вопросов, материальное поощрение и др.) с чрезвычайной бдительностью, подозрительностью и выявлением врагов действующей власти. Как показывают личные документы Ставского, стенограммы заседаний с его участием, переписка СП и прочие материалы, имена в его поле зрения шли «самотеком», по разным каналам, преломляясь (иногда одновременно) в разных зеркалах (материалы и указания НКВД, задачи КПК, его личный опыт и симпатии, директивы ЦК ВКП(б) и Сталина, мнения референтов и писателей и др.). Некоторые имена задерживались, в том числе в публичных выступлениях

Ставского. И наибольшими вниманием и пристрастностью окружались те имена, на которые указывали ЦК ВКП(б) и лично Сталин (В. Маяковский, Н. Вирта, Л. Соболев и др.). Платонов, как видно из приведенного ниже материала, по характеру покровительства попадает в этот ряд. В этой связи можно предположить факт личного участия Сталина, без одобрения которого публично выдвинуть автора «Впрок» на пьедестал — весьма рискованный шаг (эта мысль поддерживается и письмами Платонова, где говорится о заинтересованном внимании Сталина к нему [30, с. 399], и наблюдениями современников, которые полагали, что писатель находится под «особым наблюдением» Сталина [9, т. 1, с. 409]).

Платонов — один из множества подопечных Ставского, в той или иной степени получивших публичную поддержку секретаря СП. В 1936–1937 гг. в этом ряду с Платоновым были и неизвестные и малоизвестные писатели, быстро исчезавшие с олимпа (рабкоры, литкружковцы, провинциальные писатели, писатели, находившиеся на исправительных работах или в заключении, и др.). Были имена, позже вошедшие в официальный пантеон советской литературы (А. Твардовский, Вс. Иванов, П. Павленко, Ю. Тынянов, Л. Соболев и др.). Многие из подопечных Ставского были арестованы, расстреляны (С. Колбасьев, М. Кравков, М. Ошаров, Текэ Одулоку, Д. Петров-Бирюк и др.) (и, сообщая об их арестах, Ставский все также призывал к усилению критики и самокритики, внимания к каждому писателю, к повышению «бдительности» и «очищению рядов»[23]). В стороне от похвал оставались все игнорируемые и критикуемые им писатели, на кого должны были, видимо, оказывать воздействие примеры перевоспитания и оказанной помощи отдельным членам СП. Совершенно особое место в этом ряду, кажется, заняли Б. Пильняк, ставший псевдоподзащитным Ставского[24], и А. Платонов, вознесенный секретарем СП на вершину советской ли-

23 Выступление В. Ставского на оборонном совещании СП 15 октября 1937 г. (РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 15. Ед. хр. 227. Л. 17–20).

24 Состоявшийся 28 октября 1936 г. «творческий отчет» Пильняка и последующая кампания, которая завершилась арестом писателя в 1937 г., подготавливались лично Ставским, как показывают, в частности, его записные книжки (РГАЛИ. Ф. 1712. Оп. 1. Ед. хр. 109). При этом вся кампания травли сопровождалась не только критикой, но и публичными утверждениями Ставского о добрых намерениях и помощи — см., например, из его выступлений — 28 октября 1936 г.: «Это был наш долг, наша обязанность прийти человеку на помощь тогда, когда он ощущает в этом необходимость. <…> Надо учитывать это обстоятельство и приходить вовремя на помощь не только Пильняку, но и другим людям» (РГАЛИ. Ф. 631.

тературы, переживший последствия этого и оставшийся в истории ярким примером неперевоспитываемого гения. Вероятно, есть также основания говорить о просчете лично Сталина, увидевшего в 1936 г. возможность, с помощью Ставского, привлечь Платонова к работе в интересах Советской власти.

Ниже в хронологическом порядке мы привели все выявленные на сегодняшний день задокументированные свидетельства контактов, очных и заочных, Платонова и Ставского. За рамками этой хроники осталось, безусловно, еще немало встреч, свидетельств которых не сохранилось либо пока не обнаружено. Мы можем с уверенностью говорить, что Платонов неоднократно попадал в поле зрения Ставского до его назначения в Правление СП. Будучи членом РАПП и тесно общаясь с А. Фадеевым, Ставский не только знал всю подоплеку истории с «Впрок», но и мог присутствовать при обсуждениях платоновской повести. В 1932 г. Ставский, наряду с А. Исбахом, был рецензентом пьесы Платонова «Объявление о смерти» [31, т. 4, кн. 2, с. 708]. Высока вероятность встреч Ставского и Платонова в Доме Герцена, где жили и общались многие писатели (Платонов жил здесь с 1931 до 1951 г.). Они, очевидно, встречались на разных собраниях в СП, особенно посвященных издательским проектам, в которых оба принимали участие как писатели: многотомник «Две пятилетки»[25] и сборник, посвященный героям Гражданской войны[26]. Вероятно, неоднократно (ниже приведен только один задокументированный стенограммой эпизод) Ставский и Платонов

Оп. 15. Ед. хр. 75. Л. 77, 114); 16 декабря 1936 г.: «Вы помните, с каким желанием помочь этому человеку Президиум Союза заслушал и обсудил творческий отчет Пильняка. После этого, он еще, как молодой жеребчик на поводу, — брыкался. <...> Мы хотим, чтобы он работал и хотим ему помочь» (РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 15. Ед. хр. 109. Л. 10); 16 ноября 1937 г. (после ареста Пильняка): «...мы на Президиуме в прошлом году поставили творческий отчет Пильняка. <...> На этом собрании писательская общественность... давала возможность Пильняку выйти из того сложного и опасного положения, в которое он сам себя поставил» (РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 15. Ед. хр. 232. Л. 6) и др.

25 Ставский и Платонов были включены одновременно в горьковский список писательского коллектива «Двух пятилеток» в начале июня 1934 г. Ставский участвовал в этом проекте с темой «Кубань». Платонов, по договору с редакцией «Двух пятилеток», написал повесть на тему Средней Азии «Джан» (1935).

26 В 1934 г. Платонов привлекается к работе над произведениями о гражданской войне, в частности был выдвинут оборонной комиссией СП в сборник о погибших героях Гражданской войны (РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 16. Ед. хр. 3. Л. 3); в списке писателей, которым были выданы для работы «справки о военно-художественной литературе», Платонов числился с темой «Оккупация г. Царицына в 1919 г.» (РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 16. Ед. хр. 43. Л. 17).

встречались очно на обсуждении книги «Люди железнодорожной державы»[27], с которой и было связано наибольшее внимание Ставского к А. Платонову.

***

Впервые имя Платонова встретилось в подписанном В. Ставским документе в марте 1935 г., который зафиксировал официальную точку зрения Союза писателей по вопросу публикации платоновского рассказа «Такыр» в журнале «Красная новь» (1934, № 9). Напомним, в начале 1935 г. заметка Н. Никитина в «Правде» с осуждением «туркменского» рассказа Платонова спровоцировала новую волну публичной критики Платонова. В марте с трибуны Второго пленума Правления СП (5–7 марта 1935 г.) А.С. Щербаков объявил рассказ «Такыр» образцом «чуждых и антипролетарских настроений в литературе», а Платонова — представителем реакционной и «враждебной социализму» литературы [33]. После Пленума руководством СП была инициирована кампания по ревизии «толстых» советских журналов. Дискуссии в правлении Союза начались с обсуждения работы «Красной нови» и отчета редактора журнала Владимира Ермилова за 1934 г. В ходе дискуссий ему неоднократно напомнили о публикации платоновского рассказа «Такыр»[28]. А по итогам обсуждений **31 марта 1935 г.** президиумом Правления СП были приняты резолюции (за подписью В.П. Ставского), в которых редакции «Красной нови» указывалось, в числе недостатков, на публикацию без последующего критического разбора произведений, «выражающих буржуазные тенденции» в литературе (рассказ Платонова «Такыр» и «Стихи в честь Натальи» П. Васильева)[29].

В конце 1935 г. В. Ставский участвует в масштабной чистке партийных рядов — возглавляет выездную парттройку КПК при ЦК ВКП(б) по разбору апелляций исключенных из партии во время чистки. Около двух месяцев тройка работает в республиках Средней Азии[30]. По возвращении Ставский включается в работу Союза писателей и, в частности, вникает

27 Совместный проект Союза писателей СССР и редакции «Гудок», куратором которого являлся В. Ставский.

28 РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 15. Ед. хр. 13. Л. 16–17, 25.

29 РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 15. Ед. хр. 52. Л. 34.

30 О ходе этой работы и ее результатах Ставский рассказывал на главных партийных площадках: [39; 40; 41; 42].

в проблемы подготовки многотомного издания «Две пятилетки». **13 декабря 1935 г.** Ставский фиксирует в блокноте — в списке участников первого (на тот момент) тома «Родина» — фамилию Платонова и тему, над которой работал писатель: «А. Платонов — Ср. Азия»[31].

На следующий день, **14 декабря 1935 г.**, Ставский оставляет в записной книжке запись, отсылающую к полномочиям КПК:

«О Платонове и Карибе

Сообщил Н.Н. Зимину

Кариб вызван в Москву»[32].

Контекст данной записи пока прояснить не удалось[33]. Однако по статусу и биографиям участников разбора видно, что информация связана с вопросами Средней Азии и железной дороги[34]. Нужно отметить, что поступающее в КПК (в данном случае Н. Зимину) сообщение о члене ЦК ВКП(б) Г. Карибе (и последующий вызов его в Москву) отражало практику и обязанности Партколлегии КПК, которая занималась разбором отдельных заявлений (поступающих от членов и кандидатов ВКП(б) и беспартийных) на те или иные поступки членов партии.

27 января 1936 г. Ставский выступает на творческом совещании писателей — авторов сборника «Люди железнодорожной державы»[35]. Среди

31 РГАЛИ. Ф. 1712. Оп. 1. Ед. хр. 108. Л. 99 об.

32 РГАЛИ. Ф. 1712. Оп. 1. Ед. хр. 108. Л. 103 об.

33 Полноценного доступа к архивам КПК при ЦК ВКП(б) сегодня нет. В РГАСПИ большая часть дел КПК при ЦК ВКП(б) (фонд 589) на руки не выдается (описи 1–3, 6–13) либо выдается ограниченно (описи 4, 5). Доступ к материалам КПК в РГАНИ (фонд 6) также закрыт, в связи с новой «экспертизой» (из официального ответа архива).

34 Кариб (Товмасян) Георгий Маркарович (1896–1938) — советский партийный и государственный деятель. С 1929(?) по 1933 г. — секретарь по транспорту Нижне-Волжского крайкома ВКП(б). С 1933 по 1936 г. — начальник политотдела Среднеазиатской железной дороги. С 1936 — начальник политотдела Южно-Уральской железной дороги. Член Совета при Наркоме путей сообщения СССР (1936). В 1938 г. — уполномоченный Центрального управления железнодорожного строительства Наркомата путей сообщения СССР. Расстрелян в 1938 г.

Зимин Николай Николаевич (1895–1938) — член Комиссии партийного контроля при ЦК ВКП(б), избранный так же, как и Ставский, на XVII съезде ВКП(б) в 1934 г. С августа 1934 г. — заведующий Транспортным отделом ЦК ВКП(б). В марте 1935 г. освобожден от работы в ЦК ВКП(б) и назначен начальником Политуправления НКПС — заместителем Наркома путей сообщения по политической части. Возглавил в конце 1935 г. масштабную чистку на железнодорожном транспорте (РГАНИ. Ф. 3. Оп. 22. Ед. хр. 136. Л. 21–45, 53–103). Расстрелян в 1938 г.

35 РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 15. Ед. хр. 78.

42 участников присутствует Платонов, который по договору с редакцией литературных изданий на транспорте при газете «Гудок»[36] работал над рассказом «Бессмертие» для упомянутой книги (ко времени этого совещания Платонов, возможно, уже завершил работу над рассказом [30, с. 418–419]).

3 марта 1936 г. Ставский записывает в тетради: «Принял Платонова — завтра на ПК (Partколлегия КПК. — *М.О.*[37]) его вопрос»[38]. Предположительно речь идет о рассмотрении в КПК дела Кариба, к которому был причастен Платонов (см. выше). Состав дела не известен, но вынесенное решение Партколлегии и его последствия были явно благоприятными для обоих участников: 4 апреля 1936 г. Кариб был награжден орденом Трудового Красного Знамени, благосклонность к Платонову была выражена публично сразу же — см. ниже.

4 марта 1936 г., в тот же день, когда должно было состояться рассмотрение «вопроса» Платонова в КПК, планировалось открытие широкого общемосковского собрания писателей, посвященного обсуждению статей в «Правде», и выступление на нем Ставского. Накануне он готовился к ответственному докладу. Сохранилось несколько свидетельств его подготовки к вступительному слову: 1) рукописные наброски с вставками — вырезками из газеты «Правда»[39]; 2) заседание партгруппы СП под председательством А. Щербакова в первых числах марта, на котором Ставский признает, что не справится с этой задачей, и просит снять с него эту обязанность, предлагает переложить выступление на А. Щербакова, заявляя неожиданно о некоей своей занятости вне Союза (в эти дни Ставский принимал участие в Третьем пленуме КПК[40])[41]. Тут же Щербаковым принимается решение: вступительное слово оставить за Ставским, однако распределить доклад между

36 Издательский договор от 4 декабря 1935 г. (РГАЛИ. Ф. 2124. Оп. 1. Ед. хр. 5. Л. 12).

37 Аббревиатура «ПК» использовалась Ставским для обозначения Партколлегии КПК (см., например: РГАЛИ. Ф. 1712. Оп. 1. Ед. хр. 109. Л. 60–62).

38 РГАЛИ. Ф. 1712. Оп. 1. Ед. хр. 63. Л. 2 об.

39 РГАЛИ. Ф. 1712. Оп. 1. Ед. хр. 46.

40 В ходе заседания партгруппы ССП Ставский оговаривается: «Я не возражаю против 10 числа, но должен заявить, что я с завтрашнего дня и до 12 выключаюсь из всей работы Союза, я не знаю нужно ли доводить до вашего сведения о причинах этого. Поэтому я просто физически не в состоянии заняться этим делом...» (РГАСПИ. Ф. 88. Оп. 1. Ед. хр. 457. Л. 30). В эти дни проходил Третий пленум КПК, важнейшие его тезисы отразились в записных книжках Ставского (запись от 7 марта 1936 г.) (РГАЛИ. Ф. 1712. Оп. 1. Ед. хр. 63. Л. 5 об.).

41 РГАСПИ. Ф. 88. Оп. 1. Ед. хр. 457.

разными людьми, перенести дискуссию с 4 на 10 марта[42]; Щербаковым формулируются главные тезисы для выступающих; 3) записи в тетради, сделанные Ставским с 4 по 8 марта 1936 г., включающие тезисы и вопросы к выступлению[43]; среди этих записей, **5 марта 1936 г.**, зафиксированы фамилии участников проекта «Люди железнодорожной державы»: «Шкловский — Рыкачев = / — Георгий Никифоров = / = Гехт!»[44]. Можно предположить, что в этот день прошла встреча, о которой Ставский рассказал 10 марта 1936 г. (см. ниже).

10 марта 1936 г. состоялось выступление Ставского на собрании советских писателей, посвященном вопросам формализма и обсуждению статьей в «Правде». Дискуссии в СП шли в напряженнейшей атмосфере, политическое давление ощущали, кажется, все участники встреч[45]. Общий посыл Ставского, поддержанный сразу же редакцией «Правды», был связан с резкой критикой писателей, обещанием «по-настоящему» взяться за «писательское хозяйство» [32]. Ставский развивал тезисы об отставании и плохой работе, подтверждал их конкретными примерами «пошлости», «приспособленчества», «чуждых влияний» в литературе и попустительства критики. Платонова в «черном» списке оглашенных не было. Его имя прозвучало в противоположном контексте: «Нередко люди, приглашаемые в коллектив, смотрят на эту работу как на какую-то поденщину. Но за это дело, за коллективную работу надо крепко браться, товарищи. Есть новая редакция “Люди железнодорожной державы”. У нас было опасение, как бы тут не получилась “кормушка”, тем более что и товарищи из редакции опасались этого. Мы собрали в правлении Союза группу товарищей, которая работает в этой редакции. Пришло человек 30 писателей. И вместо общих разговоров по предложению тов. Славина прочитали рассказ Андрея Платонова о Цейтлине — начальнике станции “Красный Лиман”. Рассказ талантлив, написан по материалам жизни. Автор был на станции “Красный Лиман”, изучал действительность. В рассказе есть потрясающее место: разговор т. Цейтлина

42 Сам Щербаков с 10 марта ушел в отпуск, попросив переложить обязанности первого секретаря ССП на В. Ставского (Протокол секретариата ЦК ВКП(б) от 10.03.1936 г. // РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 114. Ед. хр. 605. Л. 17).

43 РГАЛИ. Ф. 1712. Оп. 1. Ед. хр. 63. Л. 3 об.–5.

44 Там же. Л. 5.

45 О связи этой кампании с политическими и общегосударственными изменениями в жизни СССР, а также о роли Сталина в ней — см.: [7].

с наркомом. В пять часов утра нарком вызывает начальника станции к телефону. Тов. Цейтлин подходит. Нарком спрашивает, почему Цейтлин не спит, ведь сейчас пять часов утра. Тов. Цейтлин отвечает, что ведь пять часов утра и в Москве. Дальше идет разговор, исполненный пафоса нашего строительства, исполненный пафоса нашей "железнодорожной державы". Рассказ не свободен от недостатков. Над ним надо крепко поработать. Есть что-то ущемленное в Цейтлине, который получился своеобразным страдателем за коммунистическую правду. Но, я думаю, тов. Платонов учтет недостатки рассказа и доработает его. Слушая рассказ, мы чувствовали, что человек понял материал, хочет работать. Это не поденщина, а настоящая работа. И наше рабочее отношение к этому делу выразилось в живом обсуждении рассказа. Практические результаты были такие: два писателя заявили, что они свои вещи, уже сданные издательству, берут обратно (Никифоров: Я взял обратно свой рассказ потому, что мне перед Платоновым стало стыдно)»[46].

На фоне весьма краткого перечисления достижений и положительных примеров работы других писателей[47] оценка, данная Платонову, заметно выделялась; даже книге Л. Соболева, на защиту которого Ставский встал по прямому указанию Сталина [9, т. 1, с. 445–446], уделялось в речи Ставского едва ли не меньше внимания [9, т. 1, с. 468–469]. Выделялась похвала Платонова не только детальностью, но и неожиданностью: автор повести «Впрок» и рассказа «Такыр» вдруг получает поддержку с главной писательской трибуны СССР; его имя впервые звучит в контексте лучших достижений советской литературы. Впервые состоялось официальное признание его таланта. Безусловно, важны и нюансы. Ставский перечислил недостатки талантливого рассказа (ущемленность героя, «страдателя» за коммунизм[48]), которые позже,

46 Цит. по: [9, т. 1, с. 465]; публикаторами, к сожалению, была допущена ошибка — напечатано «Сталин» вместо «Славин» (в исходной стенограмме (РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 18. Ед. хр. 27) машинистка опечаталась: «Ставина», а в газетной публикации 1936 г. опечатка была исправлена: [20])).

47 Ставский выделил в своей речи не только награжденных героев-стахановцев, но и писателей М. Шолохова, А. Фадеева, Л. Леонова, М. Пришвина и др. [9, т. 1, с. 466].

48 Можно предположить, что Ставский позаимствовал эти оценки у В. Шкловского, в высказываниях которого о Платонове уже с 1935 г. (см.: [11]) звучат неизменно утверждения о таланте писателя, но при этом последовательно развивается мысль о его «неправильности», ущемленности, трагичности, жалостности к миру и подобных устойчивых черт платоновского мироощущения.

в выступлениях В. Шкловского, А. Гурвича, В. Ермилова и др., станут главным оружием против Платонова (см. ниже). Рассказ «Бессмертие» был представлен Ставским в контекстах коллективного творчества, социалистической эстетики — включенности в грандиозную созидательную деятельность страны (отражение в рассказе «пафоса нашего строительства»); в контексте идеи перевоспитания писателя (Платонов «понял материал, хочет работать»), в качестве положительного примера работы Союза писателей («рабочее отношение», выразившееся в «живом обсуждении» рассказа). Все эти сопоположения, кажется, мало сочетаются с реальностью, с трудом подтверждаются смежными контекстами. Так, отмеченная Ставским удача Платонова — «разговор, исполненный пафосом нашего строительства, исполненный пафосом нашей “железнодорожной державы”» — скорее говорит о характерных для того времени речевых клише, чем о содержании соответствующего эпизода. Курьезно звучат тезисы том, что Платонов (выходец из семьи железнодорожника) съездил на железнодорожную станцию и «понял материал». Наконец, Ставский, представив обсуждение рассказа «Бессмертие» как повседневную коллективную работу Союза, умолчал о связи между решением «вопроса» Платонова 4 марта в КПК (Ставский никогда не афишировал свою деятельность в КПК) и вынесением 5 марта на заседание Правления СП СССР обсуждение платоновского «железнодорожного» рассказа.

Все это, однако, не умаляет огромной роли выступления Ставского в творческой биографии писателя. Упоминаемость имени Платонова в печати и выступлениях возросла с этого дня многократно. Его приглашают к сотрудничеству издательства и кинофабрики; появляются новые публикации (ниже упоминаются лишь те, которые напрямую связаны с высказываниями Ставского и рассказом «Бессмертие»).

10 марта, на том же собрании, Шкловский (как редактор сборника «Люди железнодорожной державы») после выступления Ставского сообщил о своей причастности к «талантливому» рассказу Платонова: «Вот в редакцию “Гудка” тов. Платонов принес хороший рассказ. Они обрадовались. Ставский обрадовался. Платонов ходит в “Гудок”, с ним есть, о чем поговорить. <…> Я принимаю участие в коллективных работах. В частности, работаю над “Людьми железнодорожной державы”. Туда я пришел не для того чтобы кормиться. Я умею доставать деньги. Я профессиональный писатель. Я пришел туда, уважая себя и то место, куда я пришел. И я с трудом подни-

мал на эту работу Андрея Платонова и горжусь тем, что он написал такую вещь, как “Красный Лиман”, и хотел бы гордиться созданием такой вещи и тем, что она была бы напечатана рядом с произведением Платонова»[49]. После этого Шкловский еще не раз в 1936 г. хвалил Платонова в докладах, обсуждениях, письмах[50].

4 апреля 1936 г. Платонов заключил договор на издание рассказа «Бессмертие» с издательством «Художественная литература»[51].

8 апреля 1936 г. в Москве состоялось прощание с редактором литературных изданий на транспорте газеты «Гудок» и главным редактором сборника «Люди железнодорожной державы» Виталием Ермиловым. На похоронах присутствовали Ставский (выступавший с прощальным словом) и писатели; скорее всего, среди них был Платонов (его подпись стоит под некрологом [29]).

В апреле 1936 г. Платонова приглашают в возглавляемую Л. Мехлисом редакцию «Двух пятилеток», где до этого отношение к нему было весьма недружелюбным [30, с. 403–405]. На совещании **10 апреля 1936 г.** при обсуждении тома «Родина» под председательством Л. Мехлиса присутствуют Платонов и Ставский. Оба выступают как участники тома. Ставский рассказывал о своей «летописи кубанской станицы», Платонов — о повести «Джан». При этом открывавший совещание ответственный секретарь главной редакции Г. Корабельников отметил, что Платонов уже сдал свое произведение: «Сдана вещь Андрея Платонова, Эрберга, Пасынкова и др. Что можно сказать по поводу этих вещей? Все эти вещи написаны чрезвычайно добросовестно со знанием материала. Почти все товарищи ездили на места, ознакомились с материалом. Вещи сделаны добросовестно, но с точки зрения тех требований, которые мы предъявляем к этим вещам, которые должны быть напечатаны в таких книгах, которые выходят к 20-летию Октябрьской годовщины, эти

49 РГАЛИ. Ф. 2252. Оп. 1. Ед. хр. 300. Л. 1–2, 8.

50 Так, например, 7 апреля 1936 г. Шкловский в письме-отчете А.С. Щербакову писал: «Работу считаю только начатой [о книге “Люди железнодорожной державы”]. Тут была некоторая удача, потому что появилась вещь Платонова» (РГАЛИ. Ф. 562. Оп. 1. Ед. хр. 485. Л. 3). 14 апреля 1936 г. Шкловский в докладе «О формализме» в Ленинградском Доме кино рассказывал: «История с Платоновым. Настоящий железнодорожник. Он написал такого Ц<ейтлина>, что мы ходили несколько дней влюбленные в него» (РГАЛИ. Ф. 562. Оп. 1. Ед. хр. 222. Л. 21).

51 РГАЛИ. Ф. 2124. Оп. 1. Ед. хр. 5.

вещи далеко не стоят на высоте»[52]. Сам Платонов в своем выступлении подчеркнул, что повесть не пригодна для печати, требует «радикальной» переработки и он сдаст «другую вещь»[53]. По итогам этого совещания вышла заметка в «Правде», где Платонов (единственный упомянутый из всего коллектива) ставился в пример как образец активной работы: утверждалось, что «Платонов заканчивает повесть на материале Средней Азии» [37]. Примечателен еще один факт: накануне этого совещания, **4 апреля 1936 г.**, Платонов написал письмо в редакцию «Двух пятилеток», которое **9 мая 1936 г.** Л. Мехлис перенаправил лично Л.М. Кагановичу[54].

В **начале апреля** рассказ «Бессмертие» принимается к печати в журнале «Колхозные ребята» (№ 4, сдан в производство 13 апреля 1936 г.; подписан к печати 1 июня 1936 г.). Рассказ вышел в сокращении, под названием «Красный лиман». В апрельском номере журнала «Литературный критик» (подписан к печати **17 апреля 1936 г.**) вышла статья, фактически цитирующая выступление Ставского с похвалой рассказа «Бессмертие» [27]. В «Литературной газете» от **24 апреля 1936 г.** работа Платонова ставилась в пример другим участникам сборника «Люди железнодорожной державы», в частности В. Шкловскому, чей рассказ обсуждался накануне в Союзе писателей [22]. Судя по этой публикации, участники обсуждения, в том числе Платонов, обвинили Шкловского в незнании действительности, непонимании своего героя, искажениях, гипотезах, «лирическом обыгрывании темы там, где ее нужно брать в лоб» (А. Платонов) [22] и др.

9 июля 1936 г. Ставский записал в тетради информацию от В. Белоконь (вероятно, референтка СП): «Платонов написал сценарий “Воодушевление<”> или “Пусть нам завидуют боги” — пр<оизводство> Мосфильм[55] // — Выписали Старчакова[56]»[57]. Речь идет о железнодорожном

52 РГАСПИ. Ф. 386. Оп. 4. Ед. хр. 63. Л. 6.

53 Там же. Л. 67.

54 РГАСПИ. Ф. 81. Оп. 3. Ед. хр. 425. Л. 136–137. Опубл. В. Перхиным: [12, с. 72–74].

55 Запись о Платонове выделена Ставским — жирной вертикальной двухконечной стрелой (слева) (РГАЛИ. Ф. 1712. Оп. 1. Ед. хр. 109. Л. 61).

56 Фамилия Старчакова примыкает к записи о Платонове. Эта фамилия неоднократно упоминается в связи с участниками сборника «Люди железнодорожной державы» — вероятно, речь шла о замене Виталия Ермилова; см., например, запись в ходе встречи с Шкловским и Рыкачевым: «Редактор Старчаков? С нами не говорил!» (РГАЛИ. Ф. 1712. Оп. 1. Ед. хр. 109. Л. 60 об.)

57 РГАЛИ. Ф. 1712. Оп. 1. Ед. хр. 109. Л. 61.

сценарии «Воодушевление, или — Пусть нам завидуют боги!», на который у Платонова был ранее заключен договор с Мосфильмом[58].

13 июля 1936 г. в Союзе писателей состоялось обсуждение рассказа Платонова «Среди животных и растений»[59]. Ставский не присутствовал на этом собрании, но, очевидно, знал о нем — по крайней мере, по публикации в «Литературной газете», в которой был передан основной, заданный В. Шкловским, тон обсуждения. Статья осудила платоновское произведение за иронический тон, следование «зощенковским» приемам, «надрывную тоску одиночества», «оторванность от общего течения жизни», подражание «традиционным образам русской литературы» и др. [35].

14 июля 1936 г. на регулярном совещании у Ставского с заведующими секторами СП старший референт СП критик Г. Бровман докладывал о ситуации в «Красной Нови» и в числе положительных оценок журнала отдельно упоминал о сотрудничестве в 1936 г. с Платоновым: «По-моему, “Красная Новь” хорошо работает с Андреем Платоновым»[60]. В конце 1936 г. в «Красной нови» вышел рассказ Платонова «Семен» (1936, № 11). Видимо, были и другие договоренности с редактором журнала Вл. Ермиловым (см. ниже).

28 июля 1936 г. на очередном совещании с завсекторами Ставский упоминает Платонова в качестве образца рабочего писателя: «Как-то перелистывая список писателей, я увидел, что рабочих писателей — и по тематике, и по происхождению — почти нет. Я могу назвать 10–12 фамилий из 2–3 тыс. членов нашего Союза. Такие писатели: Ильенков, Ляшко, Гладков, Андрей Платонов, Бахметьев, Эрлих, Авдеенко»[61].

22 июля 1936 г. Ставский встречался с редактором Л. Ларским, записав в тетради:

«Ларский: “Вечер А. Платонова в ‘Сов. Писателе’. Он читал два рассказа<”> = Стенограмма (?)

“Великий русский писатель”

“Стендаль XX века”»[62].

58 По договору с Мосфильмом (от 7 мая 1936 г.) сценарий должен был быть написан 15 июня 1936 г., но, видимо, работа велась как раз в июле: на полях договора Платонов оставил запись: «Просрочка больше месяца» (РГАЛИ. Ф. 2124. Оп. 1. Ед. хр. 15. Л. 19).

59 См. стенограмму обсуждения: РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 2. Ед. хр. 162. С изъятиями опубликована в: [1, с. 330–344].

60 РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 15. Ед. хр. 101. Л. 56.

61 РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 15. Ед. хр. 101. Л. 63.

62 РГАЛИ. Ф. 1712. Оп. 1. Ед. хр. 109. Л. 83 об.

О проведении вечера А. Платонова в издательстве «Советский писатель» на сегодняшний день не известно. В тот же день, после встречи с Ларским, Ставский встречался с М. Розенталем (ответственный секретарь «Литературного критика»). Обсуждался состав первого номера «Литкритика» (1936, № 1), текущие проблемы журнала и — рассказы Платонова. Рядом с сделанной выше записью о «двух рассказах», восхитивших Ларского, Ставский оставил помету «Для Литкритика» и в ходе беседы с Розенталем (или сразу после нее) записал:

«Разсказы А. Платонова — “Фро” и “Бессмертие” напечатать в “Литкритике” № 8 <…> Письмо Юзовского — в “Лит. газету”»[63].

Очевидно, именно благодаря Ставскому состоялась громкая публикация упомянутых рассказов в августовском номере «Литературного критика» (1936, № 8). Автор предваряющей публикацию редакционной статьи (ответственный редактор П. Юдин) обрушивался с резкой критикой на редакторов журналов, редакции и издательства, отказывающиеся публиковать рассказы Платонова, и позиционировал их как «прекрасные», талантливые произведения, воплощающие идею истинного пролетарского гуманизма [28]. Номер был сдан в производство **19 июля 1936 г.**, но был задержан (вероятно, в связи с указанной публикацией), подписан в печать **27 августа 1936 г.**, вышел в сентябре[64].

3 августа 1936 г. Платонова пригласили в «кабинет т. В. Ставского», на заседание Правления СП, «принять участие в обсуждении повести Гроссмана “Обыкновенная история”, организуемом главной редакцией “Две пятилетки” совместно с Президиумом Союза Советских писателей». Встреча должна была состояться 9 августа 1936 г.[65]

20 сентября 1936 г. в «Литературной газете» выходит статья, в которой в похвальном контексте упоминается публикация рассказов Платонова «Фро» и «Бессмертие», сделанная «Литературным критиком» в назидание «трусливым редакторам» [36].

63 Там же. Л. 84.

64 2 сентября М. Розенталь жаловался Ставскому на задержку, и тот, видимо, взял этот вопрос под контроль: «Розенталь: 8 № “Литкритика” 15 / VII сдан. И его до сих пор нет!.. В типографию доступа нет!.. Правка — 50 %? = = Проверить =» (РГАЛИ. Ф. 1712. Оп. 1. Ед. хр. 109. Л. 155).

65 РГАЛИ. Ф. 2124. Оп. 1. Ед. хр. 24. Л. 3.

21 октября 1936 г. Ставский рассылает персональные письма критикам и литературоведам Москвы с просьбой написать ему ответное «личное письмо», в котором предлагал ответить: «...над чем Вы работаете, каковы планы вашей работы на ближайшее время, что мешает Вашей работе, в чем Вы нуждаетесь, какую помощь Вы хотели бы получить от Правления Союза Советских писателей» [9, т. 1, с. 565]. В ответе на вопросы Ставского критик А. Гурвич **22 октября 1936 г.** писал: «Я работаю сейчас над Андреем Платоновым. Очень интересный, своеобразный, несомненно талантливый, но вместе с тем неполноценный писатель. Платонов принадлежит к числу тех немногих настоящих художников, которые пишут кровью своего сердца. Для него литература есть органическая форма его общественного существования. Гуманизм Платонова, однако, при его крайней обостренности оставляет известный неприятный осадок»[66].

27 октября 1936 г. Ставский готовился к проведению на заседании Президиума ССП «творческого отчета» Пильняка. Он записывал тезисы и эмоциональные реплики для будущего выступления. Произведения Платонова в этих записях фигурируют в разных контекстах, притом очерк «Че-Че-О» (вышедший в 1928 г. в «Новом мире» (№ 12) за подписью Пильняка и Платонова) Ставский не ассоциирует с Платоновым: «1. Творчество Пильняка: <...> Очерк ЧеЧеО <...> 4. Волна литературных заказов / — ты взял да не выполнил!.. Заказы. Но не кормушки!.. Водный транспорт! Пишешь 2 работы, а сам туда лезешь / "Люди жел. дор Державы" / Стонов / Платонов / Гехт!.. Сделали!»[67]. На следующий день, **28 октября 1936 г.**, под председательством Ставского состоялся «творческий отчет» Пильняка[68]. Выступивший на собрании с критикой Пильняка Н. Погодин недоумевал по поводу его сотрудничества с Платоновым: «В "Новом мире" был напечатан очерк "ЧЧО". Я тогда работал в газете и на меня он произвел страшное впечатление. Если бы я, сотрудник "Правды", прислал такой очерк, меня выгнали бы из редакции. Потом через несколько лет я узнал Платонова. Нужно знать этого Андрея Платонова. Для меня совершенно непонятно содружество этих людей. Андрей Платонов — это не то, что контрреволюционный писатель, это хуже, это какой-то нигилизм. Я знаю последний сценарий

66 РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 15. Ед. хр. 138. Л. 50.
67 РГАЛИ. Ф. 1712. Оп. 1. Ед. хр. 109. Л. 190 об.–191.
68 РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 15. Ед. хр. 75.

Андрея Платонова, созданный им о железнодорожной державе (речь идет об упомянутом выше сценарии «Воодушевление, или — Пусть нам завидуют боги!». — *М.О.*), и это просто не поймешь, что такое, — не то пасквиль, не то насмешка, или же анекдот. Он походя высмеивает, походя издевается, или восхваляет, или философствует. И мне кажется, что это содружество очерняет образ Пильняка, как писателя»[69]. Словно не слыша замечание Погодина, Ставский в заключительном слове упрекает Пильняка в «Че-Че-О» и ставит ему в пример «замечательную» работу Андрея Платонова: «Но есть вопросы, на которые вы в вашем письме не ответили. Очерк “ЧЧО” — вы тоже не ответили на это. И тут критика вам сильно помогла в этом отношении <…>. Кроме людей, которые так же, как и ты, не выполнили заказ — есть другие, которые выполнили и дали такой материал, которым мы будем гордиться. Андрей Платонов написал два замечательных рассказа, журналы не хотели печатать. А “Литературный критик” напечатал. <…> В рассказе Платонова есть просто потрясающие места. Так что дело не в заказе, а в отношении к заказу»[70].

В конце октября 1936 г. Ставский готовится к докладу в ЦК ВКП(б), приуроченному к годовщине революции[71], и составляет к нему обзорную справку «Что мы имеем после Съезда» (речь идет о Первом съезде писателей), в которой не только выборочно перечисляет советские произведения, но и дает им краткие оценки. В разделе, посвященном транспорту, вторым пунктом (после романа А. Карцева «Магистраль») записано: «Рассказы А. Платонова “Бессмертие”, “Фро” — автор долго и по-настоящему изучал материал транспорта. Хорошие рассказы»[72]. **30 октября 1936 г.** несколько экземпляров этой справки Ставский отправляет, с просьбой до 31 октября 1936 г. дать свои замечания, критикам Е. Усиевич (член редколлегии «Литературного критика»), В. Ермилову (редактор «Красной нови»), Г. Бровману и С. Рейзину (заместитель редактора журнала «Знамя»). Критики вернули Ставскому справки с пометами. Е. Усиевич записала: «Дорогой тов. Ставский. С большинством твоих оценок я согласна. Я бы возражала только против такой разбивки по проблемам. Иногда бывает, что вещь написана

69 Там же. Л. 86–88.

70 Там же. Л. 115, 119–120. См. также опубликованную речь Ставского с упоминанием Платонова: [45].

71 РГАЛИ. Ф. 1712. Оп. 1. Ед. хр. 109. Л. 223–235.

72 РГАЛИ. Ф. 1712–1–68. Л. 37.

на материале скажем транспорта, или Кр. Армии, или строительство нового завода, а тема совсем не в этом. Пример — рассказы Платонова, тема которых совсем не транспорт, а советский гуманизм»[73]. С. Рейзин напротив тезиса о Платонове написал: «Не согласен. Читал разсказ Фро — плохой разсказ»[74]. Справка Бровману сохранила только указание Ставского: «Тов Бровману Г. Ознакомься и дай свои соображения»[75]. Самый развернутый отзыв оставил В. Ермилов: «Я не считаю “Бессмертие” и “Фро” хорошими советскими рассказами. Не согласен с точкой зр. “Лит. Критика” на этот вопрос. У Платонова есть лучшие рассказы (напр. “Третий сын”). И вообще — еще рано выдавать Платонову индульгенции. Подождем появления нового романа (речь идет, вероятно, о «Техническом романе» Платонова. — *М.О.*). С Платоновым я связан тесно и постоянно, ценю его дарование, но думаю, что работа с ним предстоит еще большая и серьезная»[76]. Ставский учел замечания Е. Усиевич и С. Рейзина (что говорит о его доверии к ним — в отличие от В. Ермилова). В итоговом документе, который использовался для доклада в ЦК, рассказ «Фро» был исключен из «хороших рассказов», а рассказ «Бессмертие» получил более лестную характеристику: «Рассказ Андрея Платонова “Бессмертие”. Автор хорошо изучил материал транспорта. Рассказ замечательный»[77]. В завершение обзора Ставский почти процитировал Е. Усиевич — по сути, отождествив позицию СП с позицией «Литературного критика»: «Разбивка по темам весьма условна и схематична. Например, рассказ Андрея Платонова “Бессмертие” стоит в разделе транспортной тематики, потому что он написан на материале транспорта, а с большим основанием можно сказать, что рассказ этот на тему о советском гуманизме»[78].

Эту справку Ставский широко использовал в последующем: делал доклады в ЦК ВКП(б)[79], зачитывал ее на различных мероприятиях; воз-

73 Там же. Л. 34.

74 РГАЛИ. Ф. 1712–1–68. Л. 51.

75 РГАЛИ. Ф. 631–15–135. Л. 56–62.

76 РГАЛИ. Ф. 1712. Оп. 1. Ед. хр. 68. Л. 44.

77 РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 15. Ед. хр. 249. Л. 52.

78 Там же. Л. 57.

79 19 ноября 1936 г. Ставский делает запись в ходе встречи с А. Ангаровым: «“Что мы имеем после съезда” / У А.В. Косарева» (РГАЛИ. Ф. 1712. Оп. 1. Ед. хр. 109. Л. 208). В конце ноября он встречался с секретарем ЦК ВКП(б) А. Андреевым, где докладывал, «над чем работают наши писатели» (Там же. Л. 209). 21 декабря на совещании критиков рассказывал: «Я был у секретаря ЦК с обзором всех книг, которые имеются у нас после съезда. <…> Секретарь сказал: “Критики нет, такой критики, которая бы доносила достижения нашей

можно, делал рассылку[80]. По его словам, на основе этого перечня планировалось составить производственный план Госиздата (с включением в него, соответственно, Платонова)[81]. Список был воспринят неоднозначно, Ставского критиковали, осуждали отбор, оценки и форму изложения материала[82]. В 1938 г. на основе этой справки Ставскому предъявлялись в ЦК ВКП(б) обвинения в невежественности, покрывательстве врагов народа, раздаче политически вредных оценок и т. п.[83]

13 ноября 1936 г. Ставский записывает разговор с Кулагиным[84], делая рядом помету о вынесении вопросов на заседание Президиума СП 14 ноября:

«С Кулагиным: 1. Зорин ?
2. Замойский !
3. А. Платонов ? —
4. Громов М. — с 24 года»[85].

литературы до широких масс страны”» [9, т. 1, с. 581–582].

80 Копии справки сохранились не только в личном фонде Ставского, но и в фонде Союза писателей (РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 15. Ед. хр. 249), ЦК ВКП(б) (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 120. Ед. хр. 304. Л. 159), А. Андреева (РГАСПИ. Ф. 73. Оп. 2. Ед. хр. 15. Л. 74–71) и др.

81 Об этом Ставский упомянул на «Пушкинском» пленуме (22–26 февраля 1937 г.) (РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 15. Ед. хр. 184. Л. 38–53).

82 См, например, выступление В. Ермилова на общемосковском собрании писателей 4 апреля 1937 г., где Ставский зачитал этот список (РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 15. Ед. хр. 211. Л. 134–135).

83 См., например, выступление Лежнева: «...он хвалил целыми пачками книги врагов, а лучшие в политическом и в художественном отношении книги замалчивал. Вот выдержки из разосланного Ставским циркуляра: <[цитаты из справки “Что мы имеем после съезда”]>. Глубина анализа произведений характеризуется фразой “Крепко написано. Люблю этого писателя”. Все в стиле эх-ма... И эта вреднейшая циркулярная писанина должна была заменить поток горьковских писем писателям» (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 120. Ед. хр. 302. Л. 96). Секретарь ЦК ВКП(б) А. Андреев направил Сталину экземпляр справки, сопровождая комментарием: «Посылаю Вам образец руководства т. Ставского в Союзе писателей — его циркуляр, где он раздает свои оценки писателям, причем странно, что наиболее лестные отзывы он дает произведениям разоблаченных врагов народа» (РГАСПИ. Ф. 73. Оп. 2. Ед. хр. 15. Л. 71–74, 105); «Тов. Ставский безапелляционно раздавал направо и налево авторам и книгам невежественные политически вредные оценки. Он восхвалял малохудожественные произведения шпионов Колбасьева, Текэ Одулока, Бруно Ясенского, Зазубрина, Ивана Макарова, Петрова-Бирюка» (Из письма зав. отделом печати и издательств ЦК ВКП(б) А. Никитина секретарям ЦК ВКП(б) от 28 февраля 1938 г.: [15, с. 270]) и др.

84 Возможно, Кулагин Михаил Васильевич (1900–1956) — партийный и государственный деятель, работающий в середине 1930-х гг. в Московской области.

85 РГАЛИ. Ф. 1712. Оп. 1. Ед. хр. 109. Л. 201 об.

Позже был дописан пятый пункт: «5. Ставск<ий>» и слева напротив фамилий Замойского, Громова и Ставского указаны районы Московской области: Чембарский, Кораблинский, Волоколамский. Вероятно, на заседании Президиума решался вопрос о направлении писателей, в том числе Платонова, в творческую командировку.

16 декабря 1936 г. Ставский выступил с докладом, посвященным чрезвычайному VIII Всесоюзному съезду советов (25 ноября – 5 декабря 1936 г.), на общемосковском собрании членов СП. Он снова упомянул о Платонове в контексте достижений советских писателей и СП и впервые — в контексте проекта «Люди второй пятилетки». При этом Платонов снова был единственным, кто был назван из десятков писателей, работающих для этого многотомника: «Я бы сказал о работе многих товарищей, которые работают в редакции “Люди второй пятилетки”. В том числе Андрей Платонов. Когда открываешь глазам то, что имеется в литературе, когда присматриваешься к работе писателей, то видишь, что есть еще порох в пороховницах. Необходимо сказать, что основные кадры советских писателей — это кадры здоровые, работающие, желающие, чтобы издательства и Союз им больше помогали»[86].

В конце 1936 г. Платонов начинает тесное сотрудничество с «Литературным критиком» (создает статьи «Пушкин — наш товарищ», «Книги о великих инженерах»), а позже и с журналом «Литературное обозрение». Эти начинания, открывшие новый этап в творческой биографии Платонова[87], очевидно, не состоялись бы без официального выдвижения писателя в 1936 г. В. Ставским, его поддержке и влиянию на политику этих редакций[88].

17 февраля 1937 г. состоялось открытие Всесоюзного совещания писателей, работающих над произведениями к XX годовщине Октябрьской революции и Красной Армии (ответственный — Ставский, председательствовал он же). Во вступительном слове Ставский поднимал тему новых литературных кадров, развил ее выступивший вслед за ним С. Рейзин, упо-

86 РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 15. Ед. хр. 109. Л. 15–16; см. также опубликованную речь с упоминанием Платонова: [23].

87 Подробно см. вступительную статью Н. Корниенко и примечания Е. Антоновой к статьям в: [31, т. 6, кн. 3, с. 541–605, 607–616, 622–627].

88 Активные рабочие отношения с редколлегиями критических журналов отражены, в частности, в повседневных записях Ставского, см.: РГАЛИ. Ф. 1712. Оп. 1. Ед. хр. 109. Л. 155, 156 об., 158, 168 и др.

миная Платонова: «Мне кажется, что наша литература в какой-то части подходит сейчас к своему историческому концу. <…> Кончается петербургский эстетский период. Кончается период нэповский. Инерция еще сохранялась у ряда индивидуумов, но она иссякает. Рождается что-то новое. Что — мы не всегда умеем разглядеть. Идут в литературе процессы, которые распознаются не сразу. Но со старой “интеллигентской” темой, с ее традициями, с само-мучительствами, определениями интеллигентского “я”, “тайн духа” и пр. — с этим история кончает. Встает вопрос о ряде глубоких, серьезных литературных переоценок. Об этом думают, но об этом говорят туго. Надо менять привычные формулы, штампы, “обоймы”. Наша критика боится этого. Боится смело говорить о новых людях, боится давать прогнозы, боится утверждать новых писателей. У части критики — обдуманная критика молчания. Годами проходят мимо упорных, значительных работ. Пора понять, что само время дает сейчас движение новых кадров. Эти кадры выступают с полноценными новыми произведениями. Я имею в виду — Н. Вирта, Ю. Яновского, В. Гусева, К. Паустовского, Л. Рубинштейна, Ю. Германа, Вас. Гроссмана, В. Саянова, С. Абрамовича-Блека, А. Платонова, А. Гидаша, Г. Фиша, Е. Габриловича, З. Хацревина, Н. Заболоцкого, Б. Лапина, К. Левина, А. Макаренко, К. Финка, И. Прута, С. Вашенцева, А. Ржешевского, Л. Рахманова, И. Зельцера, А. Каплера, К. Гарнича, А. Адалис <…> и др. Это писатели работающие: “старики”, и критика о них пеклась мало, порой бывало… они по 5–7–9, а то и все десять лет учились, копили силы, пробовали их… <…> Это новое поколение, новый призыв писателей»[89].

Через несколько дней открывался IV («Пушкинский») пленум ССП (22–26 февраля 1936 г.). В ходе докладов снова говорилось о Платонове. Сначала Ставский в сообщении **25 февраля 1937 г.** рассказывает — видимо, подробно — о «Бессмертии» (в стенограмме лист с упоминанием утрачен[90], но отсылка к нему содержится там же («О Платонове говорилось»[91]) и в статье Ставского «После Пленума ССП», составленной по этой стенограмме (вышла в апрельском номере журнала «Знамя» — см. ниже)). Затем о Платонове упоминалось на вечернем заседании **25 февраля** в выступлении

89 РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 16. Ед. хр. 67. Л. 44–45.

90 Утрачен еще до архивной нумерации и восстанавливается по тексту между листами 30 и 31: РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 15. Ед. хр. 184.

91 РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 15. Ед. хр. 184. Л. 50.

В. Ермилова, который рассказал о планах «Красной нови» «выпустить роман Андрея Платонова»[92] (речь идет о «Техническом романе»). А **26 февраля** Ставский раскрыл перед аудиторией замысел романа «Путешествие из Ленинграда в Москву»: «А сколько захватывающих тем перед нами. Возьмите, например, произведения наших русских классиков: “Путешествие из Петербурга в Москву” Радищева. Журнал “Литературный критик” послал Платонова Андрея, купив ему лошадь, сани и сбрую в путешествие из Ленинграда в Москву по той дороге, которой ехал Радищев. В результате будет интересное произведение, это бесспорно»[93]. В это время Платонов действительно уже третий день был в пути — из Ленинграда в Москву[94].

10 марта 1937 г. «Литературная газета» публикует статью, автор которой попытался описать путь эволюции Платонова — от «мрачного» и «душного» мира до «выхода в свет, в счастье, в настоящую жизнь», — остановившись подробно на «оптимистичном» рассказе «Бессмертие» [24]. В рассуждениях автора прорвалось на свет мнение других «устных критиков», которые не верят в исправление Платонова и его отказа от мрачного взгляда на мир [24].

19 марта 1937 г. на общем собрании писателей Ленинграда Ставский снова оповестил о готовящемся романе Платонова: «Вот какие темы у нас еще есть, классические темы, темы наших русских классиков. Они же, ей богу, одни из самых злободневных тем. Путешествие Радищева. Вы знаете, что мы делаем? Мы сговорились с “Литературным критиком” и послали Платонова Андрея, купили ему лошадь, купили сани, сбрую и послали его из Ленинграда в Москву по этой дороге. Он уже совершил путешествие и уже пишет»[95]. Позже эта стенограмма была выправлена для публикации самим Ставским, который завуалировал свое участие в замысле: вместо «мы сговорились с Литературным критиком» была вписана фраза «Литературный критик послал»; весь пассаж был дополнен уверенностью в успехе: «В результате будет интересное произведение. Это бесспорно»[96].

В марте в «Литературном критике» (подписан к печати **13 марта 1937 г.**) вышла статья В. Александрова, в которой творчество Платонова

92 РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 15. Ед. хр. 185. Л. 20.

93 РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 15. Ед. хр. 187. Л. 153–154.

94 О ходе этой поездки и истории незавершенного романа см.: [30, с. 427–435].

95 РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 15. Ед. хр. 240. Л. 116.

96 РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 15. Ед. хр. 240. Л. 162.

(рассказы «Бессмертие», «Семен») было выдвинуто в качестве образца художественного метода — в противопоставление замкнутой внутри «частной жизни» позиции Пастернака [18].

23 апреля 1937 г. на общемосковском собрании писателей, посвященном пятилетию ликвидации РАПП, присутствовали Ставский и Платонов. В архивах обнаружены свидетельства об упоминании Платонова лишь в выступлении В. Шкловского на этом собрании: «Вот возьмем с А. Платоновым. Я скажу, что я его считаю великим писателем (Аплодисменты). Но надо сказать, что Платонов мало изменился, а он человек большого сердца и его надо не гладить по голове, а о нем надо написать развернутую статью, потому что мы не нуждаемся, чтобы о нас молчали. Нам всем нужна дружба, а не жалость. Журнал должен быть домом <писателю>, а не его убежищем» (гранки неопубликованной статьи А. Каневского «Из речи тов. Шкловского» для «Литературной газеты»)[97].

В апреле в журнале «Знамя» (подписан к печати **26 апреля 1937 г**.) вышла статья Ставского «После пленума ССП» с выдержками из его выступления на «Пушкинском» пленуме (25 февраля 1937 г.; см. выше): «Мы помогли Андрею Платонову тем, что обсудили его рассказ на заседании правления союза, причем автора на чтении не было. Без него читали и обсуждали. Наши литературно-художественные журналы отказались печатать этот рассказ, и тогда он был напечатан в журнале "Литературный критик". Я привожу эти факты для того, чтобы доказать, что работать можно» [43, с. 276].

С апреля 1937 г. имя Платонова, видимо, исчезает из публичных выступлений Ставского. На общемосковском собрании писателей, прошедшем 2–5 апреля, Платонов, судя по стенограмме, уже не упоминался[98]. Его место в речах Ставского с этого времени уверенно занимает новый подзащитный секретаря СП — писатель И.А. Новиков, который обновил тему «живой»

97 РГАЛИ. Ф. 562. Оп. 1. Ед. хр. 211. Л. 20–21. В. Шкловский и ранее призывал к публичной критике Платонова — см., например: «Мне не понравилось, что Ермилов не говорил о "Такыре". Когда Щербаков читал мне отрывки и говорил, что плохо — я не верил, это хорошо. Может быть неправильно, но хорошо. Нет впечатления, что редактору дорог данный писатель, что редактор старается, чтобы писатель писал хорошо. Платонов один из лучших писателей нашего времени, нужно было собраться и говорить об этой книге Платонова, а у нас люди разговаривают кулуарно и ждут, когда писателя амнистируют и можно будет с ним разговаривать» (РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 15. Ед. хр. 13. Л. 25).

98 РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 15. Ед. хр. 207–214.

помощи Союза и защиты писателей от критиков[99]. Новое покровительство так же, как и в случае с Платоновым, длилось более года, с октября 1936 до конца 1937 г., и отличалось лишь большей штампованностью. Скорей всего, имела место директива о защите Новикова из аппарата ЦК ВКП(б)[100].

Внезапный отказ от упоминаний Платонова в речах Ставского совпал по времени с ревизией работы редакции «Двух пятилеток». 13 апреля 1937 г. на производственном совещании в помещении «Правды» было объявлено о провале работы — и редакцией, и писателями; при перечислении участников многотомника Платонов упомянут не был[101]. В 1937 г. платоновская «повесть на среднеазиатском материале» перешла из раздела «сданных» произведений в раздел «Ожидающиеся рукописи»[102], а, видимо, позже в «Отклоненные вещи» с характеристикой: «Платонов — вещь не удалась, с большими идейными ошибками»[103]. Возможно, в ходе этой ревизии и произошло некое прозрение: после «Бессмертия» Платонов не написал художественного произведения, с идеологической точки зрения хоть сколько-нибудь оправдывающего оказанную ему поддержку политического руководства страны.

Осенью 1937 г. Ставский находился под угрозой снятия с руководства СП [9, т. 1, с. 732–738, 740]. Нарастающее противостояние Ставского с критиками перешло в жесткую борьбу с редакциями двух журналов: «Литературное обозрение» и «Литературный критик». 2 ноября 1937 г., реагируя на разбор заявления П. Рожкова [15, с. 234–237], Ставский писал Л. Мехлису (в развернутом доносе против «обособленной» критики и персонально П. Рожкова, П. Юдина, М. Розенталя, В. Ермилова, К. Зелинского, Е. Усиевич): «За спиной “Литкритика” и его редакторов до сих пор надежно прячется с ее ошибками Елена Усиевич (злые языки говорят, что она, Елена Усие-

99 См. выступления Ставского 19 ноября 1936 г. (стенограмма «Пушкинского» совещания: РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 15. Ед. хр. 132), 25 февраля 1937 г. (стенограмма «Пушкинского» пленума: РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 15. Ед. хр. 184. Л. 30), 19 марта 1937 г. (стенограмма общего собрания писателей Ленинграда: РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 15. Ед. хр. 240. Л. 122), 5 апреля 1937 г. (стенограмма общемосковского собрания писателей: РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 15. Ед. хр. 207. Л. 43) и т. д.

100 В работах о Новикове нередко встречается информация о личном участии Сталина в судьбе его романа о Пушкине, но ссылки на документ, подтверждающий этот факт, в новиковедческих исследованиях мы не нашли.

101 РГАЛИ. Ф. 1521. Оп. 3. Ед. хр. 12.

102 РГАЛИ. Ф. 1521. Оп. 3. Ед. хр. 14. Л. 10.

103 РГАЛИ. Ф. 1521. Оп. 3. Ед. хр. 14. Л. 85.

вич, в свое время выдвигавшая в литературу террориста Васильева, просто является хозяйкой в одном из критических журналов — в “Литобозрении”). Оба журнала замкнулись в пределах своей группы критиков — с сильными элементами групповщины. Оба журнала на деле почти не помогают, а иногда... мешают Союзу Советских писателей в его борьбе за чистоту критических рядов» [15, с. 237–242]. Ставский предлагал «освободить тт. Юдина и Розенталя от работы в “Литкритике”» и «считать журналы “Литературная критика” и “Литературное обозрение” органами Союза советских писателей» [15, с. 242].

В поднявшейся в это же самое время волне нападок на Платонова со стороны критиков, видевших в его произведениях неизбывные трагизм, жертвенничество, мученичество и пр. [21; 26; и др.], также были слышны обвинения в адрес «Литературного критика». В. Ермилов, поддерживая сделанные А. Гурвичем выводы, задавался на страницах «Литературной газеты» вопросом об уместности Платонова в советском обществе: «Полнота, тщательность, объективность критического анализа вполне оправдывают вопрос, который Гурвич ставит перед Платоновым: “Понимает ли <он>, каким общественным группам в условиях сегодняшнего соотношения классовых сил нужны апология нищеты и идеи великомученичества?”» [25].

К концу 1937 г. руководство Союза писателей, до этого неизменно поддерживающее, в лице Ставского, и инициативно продвигающее Платонова, также поддержало критику писателя и выдвинуло обвинение журналу «Литературный критик» (в том числе со страниц официальных печатных органов СП) в публикации «антинародных» рассказов «Бессмертие» и «Фро» [44, с. 260].

К 1938 г. со стороны критиков и писателей уже накопилось огромное количество претензий к самому Ставскому, которого обвиняли в авторитарности, развале творческой атмосферы, выхолащивании общественной деятельности, возрождении групповщины и т. д. В числе прочего говорили о неумелом регулировании критики, выдаче критикам «талонов на ругань», создании «табеля о рангах», положения, «в котором нельзя критиковать»[104], и др. Весной 1938 г. в потоке обвинений Ставскому неизменно предъявляли претензии по поводу «захваливаемых» им писателей, отбора

104 РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 15. Ед. хр. 211. Л. 62.

и критериев оценок художественных произведений; указывали на неразборчивость, поверхностность его суждений, непонимание им стилевых особенностей писателей, невнимание к их творчеству в целом; констатировалось, что Ставский не оказывал реальной помощи и не давал «реальных путей исправления ошибок»[105].

Удивительно, но на фоне большого количества претензий по поводу подопечных Ставского похвалу Платонова никто не поставил ему в вину. По крайней мере в материалах «дела» Ставского только одно упоминание имени писателя — обвинение в том, что Ставский так и не смог «перевоспитать» Платонова: «Поразительно в Союзе писателей и в издательствах неумение воспитывать людей, превращать их в носителей подлинно социалистической культуры. Посмею поднять голос хотя бы о писателе, считающемся одиозным, — об Андрее Платонове. Это — один из талантливейших и культурнейших наших прозаиков, известный больше за границей, чем у нас, но человек, который много ошибался, а ко многому просто не знает, как подойти. Он, кажется, не принадлежит к числу людей, не поддающихся перевоспитанию, — а по своему таланту входит в наш золотой фонд. Что сделано было для выпрямления этого человека? Союз писателей предпочитал "перековывать" отъявленных мерзавцев и черносотенцев — Палов Васильевых, Клычковых... Кого надо было жестоко бить, тех обхаживали, а тех, кого надо было и стоило "переработать" — били оскорблениями, клеветой и били рублем»[106].

Кажется, Ставский подготовил плодороднейшую почву для крупнейшей со времен «Впрок» критической волны нападок на Платонова, новых перипетий в его биографии и состоявшегося уже при А. Фадееве удара по «Литературному критику»[107]. Благодаря его действиям стала возможной ситуация, в которой Платонов, объявлявшийся официально, с трибун СП СССР в 1936 – начале 1937 г. представителем лучших, «здоровых» литературных кадров страны и выразителем советской гуманистической идеологии, спустя менее чем год был признан не отвечающим интересам советского народа.

105 См.: [9, т. 1, с. 734, 735; 15, с. 270; и др.].

106 Письмо А. Адалис на имя А. Андреева от 29 марта 1938 г. // РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 120. Ед. хр. 303. Л. 123.

107 Подробно об этом см.: [3, с. 817–823; 31, т. 6, кн. 3, с. 567–601].

В конце 1930-х – начале 1940-х гг. Платонов еще, видимо, не раз попадет в поле зрения Ставского — и как читателя, и как редактора[108], и как рецензента[109], но большой роли в биографии писателя эти события уже не играли.

Список литературы

Исследования

1 Андрей Платонов: Воспоминания современников. Материалы к биографии. М.: Современный писатель, 1994. 496 с.

2 Большая цензура: Писатели и журналисты в Стране Советов. 1917–1956. М.: МФД: Материк, 2005. 752 с.

3 *Галушкин А.* Андрей Платонов — И.В. Сталин — «Литературный критик» // «Страна философов» Андрея Платонова. М.: ИМЛИ РАН, 2000. Вып. 4. С. 815–826.

4 *Зуева Н.* Храбрейший из храбрых // Москва: Научная цифровая библиотека PORTALUS.RU. URL: https://portalus.ru/modules/warcraft/rus_readme.php?subaction=showfull&id=1414579991&archive=&start_from=&ucat=& (дата обращения: 12.01.2023).

5 *Лотышев И.П.* [Ставский Владимир Петрович] // *Лотышев И.П.* Летописцы Кубани: о журналистах, оставивших добрый след в истории кубанской прессы. Краснодар: Ультрапресс, 2008. С. 20–24.

6 *Максименков Л.* Очерки номенклатурной истории советской литературы (1932–1946). Сталин, Бухарин, Жданов, Щербаков и другие. Окончание. // Вопросы литературы. 2003. № 5. С. 241–297.

7 *Максименков Л.* Сумбур вместо музыки: Сталинская культурная революция, 1936–1938. М.: Юридическая книга, 1997. 317 с.

8 *Малыгина Н.М.* Андрей Платонов и литературная Москва. СПб.: Нестор-История, 2018. 590 с.

9 Между молотом и наковальней. Союз советских писателей СССР. Документы и комментарии. М.: РОССПЭН, 2010–2015.

10 *Никонорова Т.Н.* Документы комиссии партийного контроля при ЦК ВКП(б) (1934–1952 гг.) как источник изучения экономической преступности в среде партийной номенклатуры: дисс. ... канд. истор. наук. М., 2018. 224 с.

11 *Перхин В.В.* Андрей Платонов весной 1935 года (по поводу письма В.Б. Шкловского к писателю) // Stephanos. 2014. № 4. С. 205–212.

108 См. письмо Платонова редактору журнала «Новый мир» В. Ставскому от 13 декабря 1939 г. [30, с. 483].

109 См. отзыв В. Ставского о военном рассказе Платонова «Дед-солдат» от 23 августа 1941 г.: РГАЛИ. Ф. 1712. Оп. 1. Ед. хр. 705. Л. 1.

12 *Перхин В.В.* Андрей Платонов и Лазарь Каганович. История неосуществленного замысла // Вопросы литературы. 2016. № 4. С. 63–94.
13 *Радзиховский Л.* Писатель. Воин. Большевик. Стукач: Владимир Ставский как администратор советской литературы // Российская газета. 2022. 15 ноября. URL: https://rg.ru/2022/11/15/pisatel-voin-bolshevik-stukach.html (дата обращения: 26.11.2022).
14 *Радзиховский Л.* Погром сверху: назначен – снят – расстрелян: тернистый путь кураторов советской литературы // Российская газета. 2022. 08 ноября. URL: https://rg.ru/2022/11/08/pogrom-sverhu.html (дата обращения: 26.11.2022).
15 «Счастье литературы». Государство и писатели. 1925–1938 гг. Документы. М.: РОССПЭН, 1997. 319 с.
16 *Шенталинский В.* Улица Мандельштама // Огонек. 1991. № 1. С. 17–21.
17 *Шошин В.А.* Писатели-корреспонденты на фронтах ВОВ. СПб.: ИРЛИ РАН, 2006. 609 с.

Источники

18 *Александров В.* Частная жизнь // Литературный критик. 1937. № 3. С. 55–81.
19 *Аросева О.* Прожившая дважды. М.: Астрель, 2012. 381 с.
20 Вступительное слово тов. Ставского на общемосковском собрании писателей // Литературная газета. 1936. 15 марта. С. 3.
21 *Гурвич А.* Андрей Платонов // Красная Новь. 1937. № 10. С. 193–233.
22 *Дельман.* «Люди железнодорожной державы» // Литературная газета. 1936. 24 апреля. С. 5.
23 Доклад В.П. Ставского о Чрезвычайном VIII Всесоюзном Съезде Советов // Литературная газета. 1936. 20 декабря. С. 1.
24 *Дроздов А.* Выход в счастье // Литературная газета. 1937. 10 марта. С. 5.
25 *Ермилов В.* Заметки о нашей критике // Литературная газета. 1938. 20 сентября. С. 3.
26 *Илюшин Б.* Порочная философия // Комсомольская правда. 1937. 17 октября. С. 4.
27 К итогам дискуссии // Литературный критик. 1936. № 5. С. 3–14.
28 О хороших рассказах и редакторской рутине // Литературный критик. 1936. № 8. С. 106–113.
29 Памяти Виталия Ермилова // Гудок. 1936. 9 апреля. С. 4.
31 *Платонов А.* «...я прожил жизнь»: Письма. [1920–1950 гг.]. 2-е изд., испр. и доп. М.: АСТ, 2019. 717 с.
32 *Платонов А.П.* Сочинения. М.: ИМЛИ РАН, 2004–2023.
33 Побольше конкретной самокритики! С общемосковского собрания советских писателей // Правда. 1936. 11 марта. С. 4.
34 Речь тов. А.С. Щербакова // Литературная газета. 1935. 10 марта. С. 3.
35 Решения III пленума Комиссии Партконтроля при ЦК ВКП(б) // Партийное строительство. 1936. № 7. С. 42–49.

36 *Рощин Я.* Люди железнодорожной державы // Литературная газета. 1936. 15 июля. С. 6.

37 *Рощин Я.* Политические задачи критики: На собрании в редакции «Литературного критика» // Литературная газета. 1936. 20 сентября. С. 4.

38 Совещание писателей — авторов тома «Родина» // Правда. 1936. 12 апреля. С. 4.

39 *Солодарь Ц.* И вечный бой... [Дневник писателя] // Новый мир. 1985. № 2. С. 207–222.

40 *Ставский В.* Апелляции и апеллирующие // Партийное строительство. 1936. № 1. С. 25–28.

41 *Ставский В.* Дело Мокеева // Партийное строительство. 1936. № 8. С. 25–27.

42 *Ставский В.* О пассивных и балласте // Партийное строительство. 1936. № 5. С. 32–36.

43 *Ставский В.* Очищая партийные ряды // Правда. 1935. 25 декабря. С. 2.

44 *Ставский В.* После пленума ССП // Знамя. 1937. № 4. С. 270–280.

45 *Тарасенков Ан.* На поэтическом фронте // Знамя. 1938. № 1. С. 252–267.

46 *Эйдельман Я.* В Президиуме Правления ССП // Литературная газета. 1936. 30 октября. С. 4.

References

1 *Andrei Platonov: Vospominaniia sovremennikov. Materialy k biografii* [*Andrey Platonov: Memories of Contemporaries. Materials to the Biography*]. Moscow, Sovremennyi pisatel’ Publ., 1994. 496 p. (In Russ.)

2 *Bol’shaia tsenzura: Pisateli i zhurnalisty v Strane Sovetov. 1917–1956* [*Great Censorship: Writers and Journalists in the Country of the Soviets. 1917–1956*]. Moscow, International Foundation “Democracy” Publ., Materik Publ., 2005. 752 p. (In Russ.)

3 Galushkin, A. “Andrei Platonov — I.V. Stalin — ‘Literaturnyi kritik’.” [“Andrey Platonov — I.V. Stalin — ‘Literary Critic’.”] *“Strana filosofov” Andreia Platonova* [*Andrey Platonov’s “Country of Philosophers”*]. Moscow, IWL RAS Publ., 2004, pp. 815–826. (In Russ.)

4 Zueva, N. “Khrabreishii iz khrabrykh” [“The Bravest of the Brave”]. Moscow, Scientific Digital Library PORTALUS.RU. Available at: https://portalus.ru/modules/warcraft/rus_readme.php?subaction=showfull&id=1414579991&archive=&start_from=&ucat=& (Accessed 12 January 2023). (In Russ.)

5 Lotyshev, I.P. “Stavskii Vladimir Petrovich” [“Stavsky Vladimir Petrovich”]. Lotyshev, I.P. *Letopistsy Kubani: o zhurnalistakh, ostavivshikh dobryi sled v istorii Kubanskoi pressy* [*Chroniclers of Kuban: About Journalists Who Left a Good Mark in the History of the Kuban Press*]. Krasnodar, Ultrapress Publ., 2008, pp. 20–24. (In Russ.)

6 Maksimenkov, L. “Ocherki nomenklaturnoi istorii sovetskoi literatury (1932–1946). Stalin, Bukharin, Zhdanov, Shcherbakov i drugie. Okonchanie” [“Essays on the Nomenclature

History of Soviet Literature (1932–1946). Stalin, Bukharin, Zhdanov, Shcherbakov and Others. The Ending”]. *Voprosy literatury*, no. 5, 2003, pp. 241–297. (In Russ.)

7 Maksimenkov, L. *Sumbur vmesto muzyki: Stalinskaia kul’turnaia revoliutsiia, 1936–1938* [*Muddle Instead of Music: Stalin’s Cultural Revolution, 1936–1938*]. Moscow, Iuridicheskaia kniga Publ., 1997. 317 p. (In Russ.)

8 Malygina, N.M. *Andrei Platonov i literaturnaia Moskva* [*Andrey Platonov and Literary Moscow*]. St. Petersburg, Nestor-Istoriia Publ., 2018. 590 p. (In Russ.)

9 *Mezhdu molotom i nakoval’nei. Soiuz sovetskikh pisatelei SSSR. Dokumenty i kommentarii* [*Between the Hammer and the Anvil. Union of Soviet Writers of the USSR. Documents and Comments*]. Moscow, ROSSPEN Publ., 2010–2015. (In Russ.)

10 Nikonorova, T.N. *Dokumenty komissii partiinogo kontrolia pri TsK VKP(b) (1934–1952 gg.) kak istochnik izucheniia ekonomicheskoi prestupnosti v srede partiinoi nomenklatury* [*Documents of the Party Control Commission Under the Central Committee of the All-Union Communist Party of Bolsheviks (1934–1952) as a Source for Studying Economic Crime Among the Party Nomenclature: PhD Dissertation*]. Moscow, 2018. 224 p. (In Russ.)

11 Perkhin, V.V. “Andrei Platonov vesnoi 1935 goda (po povodu pis’ma V.B. Shklovskogo k pisateliu)” [“Andrey Platonov in the Spring of 1935 (Regarding V.B. Shklovsky’s Letter to the Writer)”]. *Stephanos*, no. 4, 2014, pp. 205–212. (In Russ.)

12 Perkhin, V.V. “Andrei Platonov i Lazar’ Kaganovich. Istoriia neosushchestvlennogo zamysla” [“Andrey Platonov and Lazar Kaganovich. History of an Unfulfilled Plan”]. *Voprosy literatury*, no. 4, 2016, pp. 63–94. (In Russ.)

13 Radzikhovskii, L. “Pisatel’. Voin. Bol’shevik. Stukach: Vladimir Stavskii kak administrator sovetskoi literatury” [“Writer. Warrior. Bolshevik. Squealer: Vladimir Stavsky as Administrator of Soviet Literature”]. *Rossiiskaia gazeta*, 15 November, 2022. URL: https://rg.ru/2022/11/15/pisatel–voin–bolshevik–stukach.html (Accessed 26 November 2022). (In Russ.)

14 Radzikhovskii, L. “Pogrom sverkhu: naznachen – sniat – rasstrelian: ternistyi put’ kuratorov sovetskoi literatury” [“Pogrom from Above: Appointed – Dismissed – Shot: The Thorny Path of Curators of Soviet Literature”]. *Rossiiskaia gazeta*, November 08, 2022. URL: https://rg.ru/2022/11/08/pogrom–sverhu.html (Accessed 26 November 2022). (In Russ.)

15 *“Schast’e literatury.” Gosudarstvo i pisateli. 1925–1938 gg. Dokumenty* [*“The Happiness of Literature.” The State and Writers. 1925–1938. Documents*]. Moscow, ROSSPEN Publ., 1997. 319 p. (In Russ.)

16 Shentalinskii, V. “Ulitsa Mandel’shtama” [“Mandelshtam Street”]. *Ogonek*, no. 1, 1991, pp. 17–21. (In Russ.)

17 Shoshin, V.A. *Pisateli-korrespondenty na frontakh VOV* [*Writers-Correspondents on the Fronts of the Great Patriotic War*]. St. Petersburg, Institute of Russian Literature of the Russian Academy of Sciences Publ., 2006. 609 p. (In Russ.)